

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 323.329

DOI: 10.17223/1998863X/47/10

А.В. Бутина

К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ РОЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализируются современные условия сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов как самостоятельных социальных субъектов в различных государствах в типологически схожих исторических ситуациях. Предложена методика анализа практик интеграции интеллектуалов в различные формы самоорганизации граждан, в рамках которой определены факторы, сопутствующие эффективному сотрудничеству. Установлено, что успеху взаимодействия сопутствуют: отсутствие доступа групп гражданских интересов к центрам принятия политических решений; развитие «патовой ситуации» расстановки политических сил; стигматизация интеллектуалов, служащая стимулом к поиску нового адреса социальных проектов, а также потребность движений в мобилизации ресурсов.

Ключевые слова: интеллектуалы, гражданская самоорганизация, социальная динамика, метод теоретической истории, конфликтная теория коалиций.

Роли интеллектуалов в обществе меняются от эпохи к эпохе. Но неизменной остается их направленность на интерпретацию действительности, а также производство идей, имеющих значение вне исторического контекста и географической локализации. Однако несмотря на то, что в современной науке накоплен значительный материал по проблемам культурной и институциональной истории интеллектуалов в различных странах, ощущается недостаток исследований, дающих объективное представление об их роли в динамике общественных процессов.

Оценка социального влияния интеллектуалов представляется проблематичной в силу целого ряда причин. Во-первых, изучение интеллектуалов, форм и практик гражданской самоорганизации традиционно проводится в рамках независимых друг от друга теоретических направлений, а специальные исследования, посвященные феномену интеллектуалов в России, чаще всего представляют собой критику зарубежных концепций или попытку новой социально-антропологической интерпретации интеллигенции. Для современного теоретического дискурса об интеллектуалах характерно, с одной стороны, приписывание им таких качеств, как гражданский долг [1], а с другой – указание на исчерпание интеллектуалами своей социальной роли [2]. Кроме того, большая часть научных работ в исследуемой области тяготеет к анализу отношений между интеллектуалами и политическими элитами.

С фигурой интеллектуала непременно связана дихотомия мира идей и мира действий, критики и ответственности, этики и политики. В этой связи

представляется актуальным проведение анализа современных условий сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов как самостоятельных социальных субъектов в различных государствах в типологически схожих исторических ситуациях.

Методологической основой исследования выступают положения теоретико-исторического подхода Н.С. Розова [3], конфликтной теории коалиций Р. Вутноу [4], а также парадигмы социологии социальных движений (Д. Макадам, Дж. Маккарти и М. Залд, Ч. Тилли) [5, 6], позволяющие дать современную оценку явлению сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов. При этом исходным уровнем анализа выступает *микроисторический* уровень, на котором открывается возможность проследить столкновения индивидов и групп с социальными структурами и процессами.

Для достижения цели объективной оценки социального влияния интеллектуалов, их роль в развитии процессов гражданской самоорганизации следует рассматривать в качестве переменной (формирование и распад значимой взаимной связи между субъектами гражданской активности и интеллектуалами), значение которой определяется степенью выраженности причинных факторов объективного и субъективного характера. Уровень влияния высок при увеличении интенсивности интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации. В свою очередь, компоненты успеха интеграции целесообразно считать показателями роста влияния интеллектуалов на исследуемые процессы.

Эмпирическую базу исследования составляют случаи сотрудничества интеллектуалов и активистов общественных движений в государствах Латинской Америки (Бразилии, Мексике), Восточной Европы и России во второй половине XX в. Выбор случаев определен наличием черт сходства в динамике социально-политического развития указанных государств (опыт установления и распада недемократических режимов, социальных потрясений, сопровождавшийся развитием практик низовой самоорганизации граждан), а также относительной общностью структуры и механизмов трансформации элементов культуры. Как отмечает В.А. Красильщиков, в социокультурном плане страны евразийского и латиноамериканского цивилизационных ареалов объединяет внутренняя борьба между двумя взглядами на мир и место человека в этом мире – индивидуалистическим, антропоцентричным, ставящим в центр человека, личность, и социоцентричным, общинным, ставящим во главу угла общество и государство; борьба между стремлением к инновации и приверженностью традиции [7].

Случаи распределены на группы в зависимости от показателей успеха взаимодействия. В качестве основания распределения использована классификация успешности общественных движений американского социолога У. Гэмсона, основными критериями которой выступают достижение целей самоорганизации, а также формальное признание организации как представителя интересов определенной группы граждан со стороны оппонентов и политической элиты. В проведенном нами исследовании комбинация критериев дополнена реализацией гражданскими активистами и интеллектуалами совместных проектов и задает следующую систему координат результатов сотрудничества: *успех* интеграции характеризуется достижением совместных целей – внедрением проектов интеллектуалов, признанием (легитимацией) и

достижением целей общественных движений; *частичный успех* определяется неполнотой внедрения проектов интеллектуалов, общественным признанием социальной инициативы или движения без достижения основных целей (или достижением целей, но отсутствием признания); *провал интеграции* означает, что цели и признание не достигнуты, проекты, разработанные интеллектуалами, не реализованы.

Успех интеграции наиболее очевиден в случаях участия интеллектуалов в деятельности следующих социальных движений и инициатив: Сапатистская армия национального освобождения (Мексика, начало 1990-х гг.); Мексиканское гражданское демократическое движение (Мексика, 1992 г.); Движение безземельных крестьян и Движение против строительства ГЭС (Бразилия, середина 1970-х гг.); Бразильское демократическое движение (Бразилия, 1979 г.).

Частичный успех взаимодействия можно фиксировать в случае сотрудничества интеллектуалов с такими движениями, как движения КОС/КОР и «Солидарность» (Польша, конец 1970-х – 1980-е гг.); Экологическое движение (СССР, 1970-е гг.); Немецкое национальное движение (СССР, середина 1960-х гг.); Московская школа политических исследований (Россия, середина 1990-х гг.); движение «Альтернативы» (Россия, 1996 г.); Клуб социальных инициатив (СССР, 1986 г.); диссидентское движение (СССР, 1960-е гг.); Московский методологический кружок (СССР, 1979–1993 гг.).

Провал интеграции очевиден в результате их включения в такие гражданские инициативы, как Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СССР, 1978 г.); протесты ученых (СССР, 1950-е гг.); деятельность сотрудников Института международного рабочего движения (СССР, 1960-е гг.).

Безусловно, такая выборка не исчерпывает перечень всех возможных единиц анализа, однако исследование представленных случаев позволяет произвести проверку гипотез об общих закономерностях участия интеллектуалов в практиках самоорганизации граждан в странах, удаленных друг от друга территориально и исторически, а также отличающихся культурным своеобразием.

Изучение теоретических источников по проблемам истории и социологии интеллектуалов позволило выявить ряд условий, значимых для успеха взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов. К ним относятся: особенности среды взаимодействия (определены структурой социально-политических возможностей развития ситуации сотрудничества [8, 9]); характеристики участников взаимодействия (уровень организационного потенциала субъектов гражданской активности; особенности социального положения интеллектуалов); характеристики процесса взаимодействия (формирование каналов взаимодействия; содержание совместных коммуникативных практик интеллектуалов и гражданских активистов).

Анализ случаев сотрудничества показывает, что успешное включение интеллектуалов в практики гражданской самоорганизации оказывается возможным не только в ситуации политической конкуренции, но и в условиях закрытой политической системы и отсутствия явной оппозиционности. Тем не менее в рассматриваемых случаях успех интеграции определяется развитием ситуации сотрудничества, адекватной эвристической моделью описания

которой является концепция *патовой ситуации* взаимодействия конкурирующих социальных субъектов американского социолога Р. Вутноу. Исследуя механизмы культурной динамики и социальную структуру обществ в период трех великих волн революций эпохи модерна (Реформация, Просвещение и европейский социализм), Р. Вутноу отмечал, что в *патовой ситуации*, т.е. ситуации длительного равновесия сил между представителями политической и экономической элит государств (например, между государственными акторами и основными собственниками), открывается пространство для так называемых «культурных предпринимателей», которые и выигрывают от борьбы [4]. В исследуемых случаях полного и частичного успеха именно *патовая ситуация* определяла характер взаимоотношений политической и экономической элит государств. В Бразилии и Мексике политические лидеры укрепляли государственный сектор за счет опоры на экономические ресурсы крупных землевладельцев и промышленников, в свою очередь выказывавших лояльность режимам. В СССР и Польше и вовсе произошло сращивание государственного и экономического секторов [10, 11]. Однако здесь и происходит становление таких материальных основ культурного производства, которые предоставляют пространство действия интеллектуалам, а именно формирование площадок для выражения интеллектуалами идей по проблемным аспектам общественного развития и социального диалога с гражданскими активистами. Такими площадками в исследуемых случаях являлись, к примеру, собрания приходских общин в Бразилии, организованные христианами активистами, на которых часто делили трибуну интеллектуалы и участники движений [12]. В рамках «иной кампании» мексиканских сапатистов подобные встречи происходили непосредственно на территории индейских поселений [13, 14]. Диалоговыми площадками в России и Польше выступали академические кружки, домашние семинары, а с середины 1990-х гг. так называемые «школы гражданского образования» и социальные форумы.

Важным условием интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации служит *стабильность социального статуса интеллектуалов*. В работе «Естественная история революции» американский социолог Л. Эдвардс называет в качестве необходимой составляющей коренных изменений в обществе *смещение лояльности интеллектуалов*, что проявляется в том, что большая часть интеллектуального сообщества в предреволюционных обществах оборачивается против правительства и позже выражает идеи, которые формируют и определяют групповое недовольство [15]. В подобной ситуации происходит раскол элиты, за которым вскоре следует кризис правительства и наступление революционной ситуации.

Другой американский социолог, С. Хантингтон, был убежден, что подлинно революционным классом в большинстве модернизирующихся обществ является средний класс, в котором заключен главный источник городской оппозиции правительству. Он выводит две основные предпосылки любой революции: неспособность политических институтов служить каналами входа в политику для новых социально-политических сил и элит, а также мобилизацию отчужденных от политики групп с целью участия в ней. Хантингтон выделяет и ряд этапов, через которые проходит эволюция среднего класса. По его мнению, первые группы среднего класса, появляющиеся на общественной сцене, – это интеллектуалы с традиционными корнями, но совре-

менными ценностями. Первые появляющиеся элементы среднего класса наиболее революционны; по мере того как средний класс растет, он становится консервативнее. Все или почти все эти группы могут иногда играть революционную роль, но в целом к оппозиции, насилию и революции наиболее склонны небюрократические и непредпринимательские группы среднего класса. И отсюда наиболее склонны к революционности интеллектуалы [16. С. 293–294]. Таким образом, предвестником революции может выступать не смещение лояльности интеллектуалов, о котором писал Эдвардс, а их выход на сцену в качестве отдельной группы. Интеллектуал-революционер, по Хантингтону, является практически повсеместным культурно-антропологическим типом в обществах, переживающих модернизацию. В то же время способность интеллектуалов играть революционную роль зависит от их отношений с другими общественными группами.

Немецкий социолог К. Мангейм в работе «Идеология и утопия», определяя модели поведения интеллектуалов по отношению к участию в общественной практике, указывал на то, что в любом обществе социальное бытие интеллектуалов задано картиной мира или утопией, связывающей их с определенными социальными слоями. Смена мотивации интеллектуалов к взаимодействию с теми или иными группами общественных интересов, по мнению К. Мангейма, наступает тогда, когда положение интеллектуалов в обществе становится проблематичным. Это происходит «каждый раз тогда, когда стоящий за ними социальный слой приходит к власти, когда в результате этого процесс развития не нуждается больше ни в связи утопии с политикой, ни в упомянутом духовном слое» [17. С. 216].

Проведенный теоретико-исторический анализ позволяет и нам фиксировать динамику социального статуса интеллектуала в случаях взаимодействия с гражданскими активистами. Здесь заметна существенная *стигматизация* интеллектуалов, проявлением которой могут служить как признание их проектов неприемлемыми и сопровождающая данный процесс утрата общественного статуса, так и применение репрессий со стороны политической элиты. Обращает на себя внимание, что в большинстве государств в исследуемых случаях имело место законодательное закрепление гражданских прав и свобод, однако конституционно-правовые принципы и гарантии встречали препятствия на пути своей реализации. Так, например, статьи Конституции СССР 1977 г. закрепляли права граждан на участие в управлении общественными и государственными делами, обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, а также право на внесение в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в их работе [18]. Однако на практике обсуждения и критика встречали резкое противодействие властей. Другим примером служит Конституция Бразилии, принятая 24 января 1967 г. и действовавшая до 1988 г. Хотя она и гарантировала основные права, но существенно усиливала централизацию государства, а также укрепляла власть президента, который мог приостанавливать действие конституционных прав и свобод граждан [19. С. 84–87]. Анализ случаев показывает, что репрессии имели место в большинстве из них, вне зависимости от успеха сотрудничества. Формы такого противодействия сотрудничеству интеллектуалов и гражданских активистов различны. Тем не менее открытое противодей-

ствие властей не является достаточным фактором для прекращения разработки интеллектуалами социальных проектов, а в случаях успеха, напротив, может служить стимулом их вовлечения в гражданские практики.

Обращает на себя внимание, что в большинстве случаев успеха взаимодействие с субъектами гражданской активности осуществляли интеллектуалы-одиночки. Они могли быть формально не причастными к какому-либо центру производства знаний, а также находиться в числе тех, кто подвергался критике со стороны института, членом которого являлись. Безусловно, институционализация интеллектуалов была возможной и в советский период российской истории в форме институтов, отделов, секторов, лабораторий АН СССР и ее региональных отделений. Именно в такой форме работал Ю. Левада, существовал Институт международного рабочего движения. Организационное оформление игротехнического (методологического) движения происходит с конца 1980-х гг. В 1988 г. Г.П. Щедровицкий организует при Союзе научных и инженерных обществ СССР Комитет по СМД-методологии и ОДИ (первый случай организационного оформления под собственным именем). При комитете создается печатный орган – журнал «Вопросы методологии». С 1989 г. начинают проводиться ежегодные съезды методологов [20]. Однако правовое поле для институционализации складывается только в середине 1990-х гг., тем не менее успешное взаимодействие гражданских активистов осуществляется с относительно формализованными центрами, в которых работают интеллектуалы, например «Индем», «Стратегия», «Леонтьевский центр».

Необходимо отметить, что в большинстве случаев успеха деятельность интеллектуалов носила внеакадемический характер. Этим качеством отличались миссионерская работа о. А. Меня, разработка и реализация проектов аналитическими центрами, практика игрового движения в СССР. В Польше заседания дискуссионного клуба «Опыт и будущее», ориентировавшегося на поддержку основанного в 1976 г. Комитета защиты рабочих, также выходили за рамки академической среды. Исключение здесь составляют семинары Г.П. Щедровицкого и протесты советских ученых. В случаях провала, напротив, имеет место академическая направленность деятельности интеллектуалов, работа над знанием ради знания, укреплении господствующей парадигмы, а вовсе не выход на решение практических задач. Однако не только ориентация на академическую деятельность, но и стремление участвовать в разработке политических решений приводит к отрицательной включенности интеллектуалов в процессы гражданской активности. Так, «чикагские мальчики», в 1992–1994 гг. разрабатывавшие стратегию развития новой России, в своих проектах ориентировались не на ресурс самоорганизации граждан, но на государственную поддержку и логику рынка.

Безусловно, взаимодействие представляет собой обоюдонаправленную систему действий социальных субъектов. В исследуемых случаях успех сотрудничества определяется также формированием общественного запроса на разработку альтернативной концепции социального развития и осознанием гражданскими активистами потребности в компенсации дефицита ресурсов движений для достижения их целей. Характеризуя участников движений, необходимо отметить, что в большинстве положительных случаев они выступают малоресурсными акторами политического процесса. Такие социальные субъекты могут добиться успеха, если обладают средствами, альтерна-

тивными тем, которыми владеет правящая элита. Спецификой ресурсов, доступных гражданским движениям, в большинстве положительных случаев является их нематериальный характер – это, как правило, ресурсы социального взаимодействия и группового авторитета. В случаях полного и частичного успеха сотрудничества роль интеллектуалов заключалась в мобилизации ресурсов самоорганизованных групп граждан, важнейшими из которых выступают социальные ресурсы (формирование коллективной идентичности, чувства солидарности и т.д.) – они малозатратны и более доступны для ущемленных групп. Интеллектуалы в представленных случаях участвуют в аккумуляции организационных, информационных, а зачастую и материальных ресурсов. К примеру, международные фонды, институты и другие организации в 1990-е гг. выступали самым мощным источником финансирования центров публичной политики в России. Общественным организациям и движениям для получения грантов от этих фондов необходимо было обладать умением писать заявки, быть известными грантодателю, обладать проектной культурой, что также обеспечивалось сотрудничеством с публичными интеллектуалами. В исследуемых положительных случаях именно интеллектуалы выступали катализаторами ресурсной мобилизации движений.

Таким образом, анализ интеграции интеллектуалов в практики самоорганизации граждан позволяет сделать вывод, что успеху сотрудничества в большинстве исследуемых случаев сопутствуют: отсутствие доступа групп гражданских интересов к центрам принятия политических решений; развитие «патовой ситуации» расстановки политических сил, характеризующейся состоянием затянувшегося равновесия сил между представителями политической и экономической элит государств; стигматизация интеллектуалов, которую характеризует невостребованность идей интеллектуалов у представителей правящей элиты, служащая стимулом к поиску нового адреса социальных проектов; потребность в мобилизации ресурсов движений, которой способствует сотрудничество гражданских активистов с интеллектуалами. Развитию самоорганизации способствует формирование альтернативных материальных основ культурного производства посредством установления отношений сотрудничества с интеллектуалами. Таким образом, включение интеллектуалов в практики гражданской самоорганизации представляется значимым, поскольку способствует аккумуляции ресурсов, формулированию стратегии и тактики, формированию тактики коллективных действий и развитию активистской среды.

Литература

1. Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. 1997. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=2338 (дата обращения: 11.02.19).
2. Posner R.A. Public intellectuals: a study of decline. Cambridge : Harvard University Press, 2003.
3. Розов Н.С. Историческая макросоциология: Методология и методы. Новосибирск, 2009.
4. Wuthnow R. Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993.
5. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing. Cambridge, 2004.
6. Tilly Ch. From mobilization to revolution. Englewood Cliffs, 1978.
7. Красильщиков В.А. Латинская Америка сегодня – Россия завтра (оптимистический вариант будущего России) // Мир России. 2002. Т. 11, № 1. С. 57–96.

8. Meyer D. Protest and political opportunities // *Annu. Rev. Sociol.* 2004. 30. P. 125–145.
9. Meyer D., Minkoff D. Conceptualizing political opportunity // *Social Forces*. June 2004. 82(4). P. 1457–1492.
10. Чернышев А.Л. Политическая борьба индейского населения Мексики в конце XX – начале XXI в. // *Латинская Америка*. 2009. № 8. С. 93–100.
11. Цыганков П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.
12. Rothman F.D., Oliver P.E. From local to global: the Anti-Dam movement in Southern Brazil, 1979–1992 // *Mobilization*. April. 1999. Vol. 4, № 1. P. 41–57.
13. Гуадараме Р.Д. Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики: 1994–2002 гг. // *Неприкосновенный запас*. 2003. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/gua.html> (дата обращения: 11.02.19).
14. Starr A., Martinez-Torres M.E., Rosset P. Participatory democracy in Action: practices of the Zapatistas and Movimento sem terra // *Latin American Perspectives*. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0094582X10384214> (дата обращения: 11.02.19).
15. Грязнова О.С., Подвойский Д.Г. Социология революции Лайфорда Эдвардса // *Социологический журнал*. 2005. № 1. С. 82–85.
16. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
17. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995.
18. Конституция СССР 1977 г.
19. Конституционное (государственное) право зарубежных государств. Т. 4. Часть особенная: страны Америки и Азии. М., 2001. 656 с.
20. Московский методологический кружок в лицах. М., 2008. Т. 2.

Anastasiya V. Butina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: butina@email.asu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 94–102.

DOI: 10.17223/1998863X/47/10

TO THE PROBLEM OF THE STUDY OF THE INTELLECTUALS' ROLE IN MODERN SOCIETY

Keywords: intellectuals; civil self-organization; social dynamics; method of theoretical history; coalition conflict theory.

The paper analyzes the modern conditions of cooperation between intellectuals and civil society activists as independent social actors in various states in typologically similar historical cases. The research is based on the theoretical position-historical approach of Nikolay S. Rozov, the coalition conflict theory of Robert Wuthnow, and modern concepts of the sociology of social movements' paradigm. These methodological approaches provide a modern assessment to the phenomenon of cooperation between intellectuals and civil society activists. The author interprets the role of intellectuals in the development of civil self-organization processes as a variable, whose value is determined by the severity of causal factors. The level of influence is high in a situation of increasing the intensity of the intellectuals' integration into civil self-organization processes. Thus, the components of the integration success should be considered as indicators of the growth of the intellectuals' influence on the studied processes. The empirical basis of the study is made up of cases of cooperation between intellectuals and social movements' activists in Latin America (Brazil, Mexico), Eastern Europe, and Russia in the second half of the twentieth century. The author identifies social conditions that are significant for the success of interaction between intellectuals and civil society activists. They are the political opportunity structure, the level of organizational potential of subjects of civic engagement, features of the social status of intellectuals, the formation of a social interaction channel, the content of communicative practices of intellectuals and civil society activists. The case study shows that the successful intellectuals' integration to the practices of civil self-organization is possible not only in a situation of political competition, but also in a closed political system with the absence of political opposition. Theoretical and historical analysis allows noticing the instability of the intellectuals' social status and signs of their stigmatization, such as non-recognition of their projects, loss of social status and repressions by the political elite. The study of the intellectuals' integration into the grassroots practices suggests that the

success of cooperation in most of the cases depends on the lack of access for the groups of civic interests to the centers of political decision making; the development of a “stalemate situation” characterized by a lingering balance of power between representatives of the political and economic elite of states; the requirement to movements’ resource mobilization. The author concludes that the development of self-organization also contributes to the formation of alternative material foundations of cultural production through the establishment of cooperative relations with intellectuals.

References

1. Darendorf, R. (1997) Grazhdanskaya otvetstvennost' intellektualov: protiv novogo strakha pereg prosveshcheniem [Civil liability of intellectuals: against the new fear of enlightenment]. *Institut sotsiologii RAN. Polis – Polis (Political Studies)*. 6 [Elektronnyy resurs]. [Online] Available from: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=2338 (Accessed: 11.02.19).
2. Posner, R.A. (2003) *Public intellectuals: a study of decline*. Cambridge: Harvard University Press.
3. Rozov, N.S. (2009) *Istoricheskaya makrosotsiologiya. Metodologiya i metody* [Historical Macrosociology. Methodology and Methods]. Novosibirsk.
4. Wuthnow, R. (1993) *Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. McAdam, D., McCarthy, J.D. & Zald, M.N. (2004) *Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Tilly, Ch. (1978) *From mobilization to revolution*. Englewood Cliffs: Longman Higher Education.
7. Krasilshchikov, V.A. (2002) Latinskaya Amerika segodnya – Rossiya zavtra (optimisticheskii variant budushchego Rossii) [Latin America today – Russia tomorrow (optimistic version of Russian future)]. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 11(1). pp. 57–96.
8. Meyer, D. (2004) Protest and political opportunities. *Annual Review of Sociology*. 30. pp. 125–145.
9. Meyer, D. & Minkoff, D. (2004) Conceptualizing political opportunity. *Social Forces*. 82(4). pp. 1457–1492. DOI: 10.1353/sof.2004.0082
10. Chernyshev, A.L. (2009) Politicheskaya bor'ba indeyskogo naseleniya Meksiki v kontse XX – nachale XXI vv. [The political struggle of the Mexican Indian population in the late 20th – early 21st centuries]. *Latinskaya Amerika*. 8. pp. 93–100.
11. Tsygankov, P. (1995) *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika* [Modern political regimes: structure, typology, dynamics]. Moscow: Interpaks.
12. Rothman, F.D. & Oliver, P.E. (1999) From local to global: the Anti-Dam movement in Southern Brazil, 1979–1992. *Mobilization*. 4(1). pp. 41–57.
13. Guadarrama, R.D. (2003) Rol' intellektualov v izmenenii meksikanskoy politiki: 1994–2002 gg. [The role of intellectuals in changing Mexican politics: 1994–2002]. *Neprikosnovennyi zapas*. 1. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/gua.html>. (Accessed: 11th February 2019).
14. Starr, A., Martinez-Torres, M.E. & Rosset, P. (2011) Participatory democracy in Action: practices of the Zapatistas and Movimiento sem terra. *Latin American Perspectives*. 1. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0094582X10384214>. (Accessed: 11th February 2019). DOI: 10.1177/0094582X10384214
15. Gryaznova, O.S. & Podvoyskiy, D.G. (2005) Sotsiologiya revolyutsii Layforda Edvardsa [Sociology of the Lyford Edwards Revolution]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 1. pp. 82–85.
16. Huntington, S. (2004) *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Translated from English by V. Rokityansky. Moscow: Progress-Traditsiya.
17. Mannheim, K. (1995) *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Translated from German by M. Levina, S. Karpushina, A. Miller, T. Studenkina. Moscow: Yurist'.
18. The Soviet Union. (1977) *Konstitutsiya SSSR 1977 g.* [The USSR Constitution of 1977]. [s.l., s.n.].
19. Strashun, B.A. (ed.) (2001) *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutional (state) law of foreign states]. Moscow: Norma.
20. Khromchenko, M.S. (ed.) (2008) *Moskovskiy metodologicheskii kruzhok v litsakh* [Moscow Methodological Group in Persons]. Vol. 2. Moscow: G.P. Schedrovitsky Institute for Development Foundation.